

КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.93

Криминологический портрет вора в законе сегодня: результаты всероссийского пенитенциарного исследования

А. С. Морозов

Кузбасский институт ФСИН России,
Российская Федерация, 654066, Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49

Для цитирования: Морозов, Алексей С. 2024. «Криминологический портрет вора в законе сегодня: результаты всероссийского пенитенциарного исследования». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 749–779. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.314>

В юридической науке нет единого четкого определения понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». Часть 4 ст. 210 и ст. 210¹ Уголовного кодекса (УК РФ) предусматривают уголовную ответственность в отношении лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, не указывая на какие-либо признаки субъектов данных преступлений. Соотношение объемов понятий «вор в законе» и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» остается предметом дискуссий. С целью решения данной проблемы проведено исследование среди оперативных работников учреждений уголовно-исполнительной системы, осуществляющих противодействие пенитенциарной преступности в целом и организованной преступности в частности. В результате установлены признаки лица, которое не может быть вором в законе; признаки лица, являющегося вором в законе; соотношение понятий «вор в законе» и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии»; порядок присвоения звания «вор в законе» (процедура «коронации», «крещения»); порядок лишения звания «вор в законе». Кроме того, определен момент окончания преступлений, связанных с занятием высшего положения в преступной иерархии, определен круг лиц, входящих в число субъектов преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ, установлены права и обязанности воров в законе, их функции и полномочия в уголовно-преступной среде. Результаты исследования могут быть применены сотрудниками правоохранительных органов при возбуждении и расследовании дел, связанных с организованной преступностью, занятием высшего положения в преступной иерархии, так как в анкетировании приняли участие 1110 оперативных работ-

ников учреждений уголовно-исполнительной системы из 69 территориальных органов РФ, что свидетельствует о репрезентативности и достоверности полученных данных.

Ключевые слова: положенец, смотрящий, высшее положение, преступная среда, криминальная субкультура, организованная преступность, вор в законе.

1. Введение

Федеральным законом от 03.11.2009 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и в ст. 100 Уголовно-процессуального кодекса РФ»¹ впервые введено понятие и установлена уголовная ответственность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, в качестве квалифицирующего признака ч. 4 ст. 210 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (УК РФ) «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)». При этом уголовная ответственность за сам факт лидерства такого лица в преступной иерархии уголовным законом не предусматривалась. На практике это приводило к необходимости доказывания фактов существования преступного сообщества (преступной организации), занятия лицом высшего положения в преступной иерархии и создания (руководства) таким лицом данного преступного сообщества (преступной организации). Доказать первые два факта по отдельности не представляло особых усилий, но установить между ними связь было практически невозможно, поскольку лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, не участвовали в непосредственном совершении противоправных деяний, а свои деяния по руководству преступным сообществом тщательно конспирировали.

Так, в пояснительной записке к законопроекту от 14.02.2019 № ПР-206 (регистрационный № 645492-7), направленному в Государственную Думу РФ Президентом РФ, о внесении в УК РФ статьи 210¹ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» указана причина данной законодательной инициативы:

Федеральным законом от 03.11.2009 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и в ст. 100 Уголовно-процессуального кодекса РФ» впервые введено понятие и установлена уголовная ответственность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, но только в случае, если указанное лицо совершает общественно опасное деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 210 УК РФ. При этом уголовная ответственность за сам факт лидерства такого лица в преступной иерархии не предусмотрена... Благодаря своему положению в преступной иерархии лидеры преступных сообществ (преступных организаций), как правило, уходят от уголовной ответственности... С учетом этого законопроектом предлагается дополнить УК РФ статьей 210¹, которая устанавливает уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии.

Обращает на себя внимание конкуренция субъектов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210 и ч. 4 ст. 210 УК РФ. Согласно ч. 1 ст. 210 УК РФ, субъектом данного преступления является лицо, создавшее преступное сообщество (преступную

---

¹ Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику, если не указано иное, приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 15 августа 2024. <http://www.consultant.ru>.

организацию) в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, либо руководившее преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а равно координировавшее действия организованных групп, создавшее устойчивые связи между ними, разработавшее планы и создавшее условия для совершения преступлений организованными группами, разделявшее сферы преступного влияния и/или преступных доходов между такими группами.

Согласно п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» (далее — Постановление № 12), субъектом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, является лицо, создавшее преступное сообщество (преступную организацию) или руководившее им (ей) либо координировавшее преступные действия, создавшее устойчивые связи между различными самостоятельно действующими организованными группами, либо разделявшее сферы преступного влияния и преступных доходов, а также совершившее другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). Кроме того, о лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и/или террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т. п.

Отличительными признаками субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, согласно Постановлению № 12, является факт совершения лицом других преступных действий, свидетельствующих о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации), а также в качестве таких признаков могут рассматриваться связи с экстремистскими и/или террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т. п.

Сравнительный анализ положений ч. 1 ст. 210 УК РФ и п. 24 Постановления № 12 позволяет сделать следующие выводы: 1) доказанные признаки субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК РФ, являются доказанными признаками субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ; 2) к числу исключительных признаков субъекта, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, относится совершение лицом других преступных действий (не бездействий), свидетельствующих о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной иерархии); 3) к числу исключительных признаков субъекта, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, могут относиться связи с экстремистскими и/или террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т. п.

Несмотря на наличие Постановления № 12», разъяснившего судам, каким образом следует устанавливать занимаемое лицом положение в преступной иерархии, а также причастность лица к созданию или к руководству преступным сообществом (преступной организацией), достичь значимых успехов по привлечению к ответственности по ч. 4 ст. 210 УК РФ судам не удалось.

В результате Президент РФ внес в Государственную Думу РФ проект федерального закона от 14.02.2019 № 645492-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ (в части противодействия организованной преступности)», предусматривавший в числе прочего введение в УК РФ статьи 210¹ «Занятие высшего положения в преступной иерархии». В пояснительной

записке к проекту указывалось, что лидеры преступных сообществ (преступных организаций) координируют преступные действия, создают устойчивые преступные связи между различными организованными группами, занимаются разделом сфер преступного влияния и преступных доходов, руководят преступными действиями и в связи с этим представляют наибольшую общественную опасность, однако благодаря своему положению в преступной иерархии они, как правило, уходят от уголовной ответственности (что подтверждалось отсутствием судебной практики по привлечению к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 УК РФ в период с 03.11.2009 по 14.02.2019). Введение данной нормы имело целью устранение необходимости доказывания причастности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, к созданию преступного сообщества (преступной организацией) или руководству им (ей), позволяя привлекать его к уголовной ответственности только за сам факт занятия высшего положения в преступной иерархии безотносительно принадлежности к организации преступного сообщества или руководству им. В результате был принят Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части противодействия организованной преступности», подписанный Президентом РФ 01.04.2019 и вступивший в силу с 12.04.2019.

Статья 210¹ УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» гласит: «Занятие высшего положения в преступной иерархии — наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от одного до двух лет».

Введение данной нормы было встречено обилием конструктивной критики как со стороны научного сообщества, так и со стороны представителей правоохранительных органов, осуществляющих противодействие организованной преступности. Критика была связана главным образом с отсутствием необходимого элемента состава преступления — объективной стороны преступления, выраженной в форме деяния. Профессор А. В. Шеслер отмечает, что попытки создания правоприменительных прецедентов по привлечению к уголовной ответственности лидеров криминальной среды за действия по ее консолидации, не связанные с совершением конкретных преступлений, успеха не имели. Так, было прекращено уголовное дело по ст. 210¹ УК РФ в отношении группы криминальных авторитетов, задержанных по пути на «сходку», так как было доказано, что авторитеты собрались не для объединения в одну преступную группу с целью совершения тяжких и особо тяжких преступлений, а для обсуждения вопросов, не имеющих непосредственного отношения к преступной деятельности (о взаимных расчетах между преступными группировками, о решении «кадровых вопросов», об определении тактики общения с работниками правоохранительных органов, о распределении сфер влияния в экономике и т. д. (Шеслер 2020). И. В. Пантюхина и Л. Ю. Ларина справедливо отмечали, что ст. 210¹ УК РФ не содержит объективной стороны состава преступления, а термин «занятие», использованный законодателем в диспозиции ст. 210¹ УК РФ, может толковаться двояко: 1) как процесс, направленный на приобретение высшего положения в преступной иерархии, выражающийся в совершении лицом нескольких деяний, в результате чего оно

может занять высшее положение в преступной иерархии, к которому стремится; 2) как окончанный результат (состояние лица), выражающийся в фактическом обладании высшим положением в преступной иерархии с момента его приобретения до настоящего времени. Кроме того, в рамках приготовления и покушения на совершение преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, лицом умышленно создаются условия для совершения тяжких или особо тяжких преступлений иными членами преступного сообщества. Возникает конкуренция нормы о приготовлении к преступлению (покушении на преступление), совершенному данными лицами, либо соучастии в таком преступлении (например, ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 4 ст. 158, ч. 3 ст. 33, п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ) и нормы о приготовлении к занятию высшего положения в преступной иерархии (ч. 1 ст. 30, ст. 210¹ УК РФ) (Пантюхина 2020; Пантюхина, Ларина 2020). Возникла научная дискуссия по вопросу о том, возможно ли повторное возбуждение уголовного дела по ст. 210¹ УК РФ в процессе отбывания лицом уголовного наказания за совершение данного преступления, поскольку лицо ежедневно сохраняет свой криминальный статус. Так, по мнению С. А. Кутукова и Н. Д. Моисеева, «лицо, сохранившее в момент отбывания наказания высшее положение в преступной иерархии, должно повторно нести ответственность по ст. 210¹ УК РФ, если есть достоверные данные о дальнейшем использовании им своего статуса в преступных целях» (Кутуков, Моисеев 2021, 337). При отнесении преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, к категории дящихся также создается проблема привлечения к уголовной ответственности лиц, занявших высшее положение в преступной иерархии до вступления в юридическую силу ст. 210¹ УК РФ, поскольку правовой механизм отказа от занимаемого положения законом не предусмотрен. Так, в августе 2019 г. было возбуждено уголовное дело в отношении Дулата Йоулы, также известного как Ахмет Сутулый. Его деяние было квалифицировано в соответствии со ст. 210¹ УК РФ на основании оперативной справки и публикации 20-летней давности, размещенной на сайте «Прайм-Крайм» (Ушаков 2021). Среди представителей научного сообщества нет единства во мнении о том, должны ли подлежать уголовной ответственности по российскому законодательству исключительно воры в законе, либо к подобной ответственности могут быть привлечены лица, не имеющие такого звания (титула, статуса и т. п.). В результате дискуссии сформировались три основные позиции: 1) основанием привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 210¹ УК РФ являются наличие у него статуса «вор в законе» и выполнение им противоправных функций по руководству преступным сообществом (Алфимова 2010); 2) основанием является только наличие статуса «вор в законе» (Гришко 2016; Рязанов 2014; Максимова 2013); 3) основанием не является наличие статуса «вор в законе», а требуется выполнение противоправных функций по руководству преступным сообществом (Рагулин, Фефелов 2010; Никитенко, Якушева 2010; Штаб 2015; Мондохонов 2013; Пантюхина 2020).

Особенность данной нормы заключается в том, что отсутствующая объективная сторона выражается через субъекта рассматриваемого преступления, его права, обязанности и функции по управлению преступным сообществом. Для установления субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210, ст. 210¹ УК РФ, было осуществлено данное исследование. Оно проводилось именно в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС), так как именно в них нормы крими-

нальной субкультуры, традиции и обычаи криминального мира зарождаются, развиваются и распространяются за пределы пенитенциарной системы.

Анкетирование проводилось с целью установления признаков лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Задачей анкетирования было установление:

- криминологического портрета (основополагающих признаков) лиц, не способных приобрести статус «вор в законе»;
- криминологического портрета (основополагающих признаков) лиц, способных приобрести статус «вор в законе»;
- процедуры лишения статуса «вор в законе»;
- процедуры наделения статусом «вор в законе»;
- общих и отличительных признаков вора в законе и лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Цель исследования была обусловлена необходимостью устранения из числа потенциальных подозреваемых в обладании статусом «вор в законе» лиц, которые независимо от наличия у них каких-либо признаков вора в законе таким статусом в принципе обладать не могут, что позволит в будущем значительно сократить временные, человеческие и экономические ресурсы по идентификации воров в законе из числа представителей преступного сообщества, не относящихся к лицам, способным приобрести такой статус.

Одним из основных методов исследования была проверка актуальности и достоверности сведений об основополагающих признаках воров в законе, отраженных в научных источниках различных периодов, обоснованности доводов судов, указывающих признаки воров в законе в качестве признаков лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, современного состояния криминальной стратификации и норм поведения в криминальной среде. В рамках данного метода респондентам предлагалось выбрать верное, по их мнению, утверждение из числа являвшихся верными в различные периоды существования криминальной субкультуры, с целью подтверждения или опровержения гипотезы по каждому поставленному вопросу.

Анкетирование проводилось среди практических работников оперативных подразделений учреждений и органов УИС, осуществляющих служебную деятельность в непосредственном контакте с осужденными и лицами, заключенными под стражу, в том числе связанную с профилактикой правонарушений среди лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности, а также лиц, оказывающих негативное влияние на других подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Причины проведения исследования именно среди сотрудников исправительных учреждений, а не представителей криминальной субкультуры заключались в следующем: 1) Главное оперативное управление ФСИН России запретило проведение анкетирования осужденных и лиц, заключенных под стражу; 2) отсутствует четкий круг респондентов, являющихся ворами в законе, поскольку данная характеристика имеет криминологический, а не уголовно-правовой характер; 3) представители криминальной субкультуры заинтересованы в искажении, представлении недостоверной информации о традициях и правилах поведения в криминальной среде, так как осознают, что данная информация в дальнейшем может послужить формированию эмпирического материала, на основе которого лица,

занимающие высшее положение в преступной иерархии, будут привлечены к ответственности по ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ. Оперативные работники учреждений УИС, напротив, имеют специализированное образование, опыт профессиональной работы с большим количеством осужденных и лиц, заключенных под стражу, что позволяет им аккумулировать, обобщать весь спектр процессов, происходящих в уголовно-преступной среде.

Исследование проводилось на всей территории РФ, так как нормы криминальной субкультуры, традиции и обычаи криминального мира имеют свои особенности в зависимости от территориального расположения криминального сообщества, особенностей функционирования различных видов учреждений УИС. Так, в анкетировании приняли участие 1110 работников оперативных подразделений учреждений и органов УИС из 69 территориальных органов УИС. При этом, к сожалению, некоторые респонденты воздерживались от ответов на отдельные вопросы анкеты либо давали два и более ответа на вопросы, предполагавшие лишь один ответ. В связи с этим сумма данных ответов на каждый отдельно взятый вопрос не всегда составила 1110 (100%). Поэтому статистические данные анкетирования приводятся в расчете процентного соотношения от общего количества респондентов (от 1110), а не от общего количества ответов данных по каждому отдельному вопросу. Некоторые вопросы предполагали одновременно несколько вариантов ответов, в связи с чем сумма ответов на данные вопросы превысила 1110 (100%).

Среди респондентов стаж службы в оперативных подразделениях менее трех лет имели 367 опрошенных (33,063 % ответов); от трех до пяти лет — 259 опрошенных (23,333 % ответов); от пяти до десяти лет — 266 опрошенных (23,964 % ответов); свыше десяти лет — 210 опрошенных (18,919 % ответов); восемь человек не указали свой стаж службы.

Стаж службы в оперативных подразделениях, осуществляющих противодействие организованной преступности (лидерам уголовно-преступной среды), среди респондентов составил: менее трех лет — 582 опрошенных (52,432 %); от трех до пяти лет — 210 опрошенных (18,9189 %); от пяти до десяти лет — 159 опрошенных (14,324 %); свыше десяти лет — 86 опрошенных (7,7477 %).

Анкетирование проводилось в восьми федеральных округах РФ:

• Центральный федеральный округ (273 респондента из 17 территориальных органов):

- УФСИН России по Белгородской области (11);
- УФСИН России по Брянской области (20);
- УФСИН России по Владимирской области (10);
- УФСИН России по Воронежской области (3);
- УФСИН России по Ивановской области (14);
- УФСИН России по Калужской области (27);
- УФСИН России по Костромской области (13);
- УФСИН России по Курской области (22);
- УФСИН России по Липецкой области (5);
- УФСИН России по г. Москве (30);
- УФСИН России по Орловской области (6);
- УФСИН России по Рязанской области (13);

- УФСИН России по Смоленской области (13);
- УФСИН России по Тамбовской области (9);
- УФСИН России по Тверской области (50);
- УФСИН России по Тульской области (24);
- УФСИН России по Ярославской области (3);
- Северо-Западный федеральный округ (116 респондентов из 8 территориальных органов):
  - УФСИН России по Архангельской области (39);
  - УФСИН России по Вологодской области (6);
  - УФСИН России по Калининградской области (20);
  - УФСИН России по Мурманской области (7);
  - УФСИН России по Псковской области (9);
  - УФСИН России по Республике Коми (11);
  - УФСИН России по Республике Карелия (6);
  - УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (18);
- Южный федеральный округ (93 респондента из 6 территориальных органов):
  - ГУФСИН России по Ростовской области (16);
  - УФСИН России по Астраханской области (8);
  - УФСИН России по Волгоградской области (43);
  - УФСИН России по Краснодарскому краю (3);
  - УФСИН России по Республике Адыгея (20);
  - УФСИН России по Республике Калмыкия (3);
- Северо-Кавказский федеральный округ (56 респондентов из 6 территориальных органов):
  - УФСИН России по Кабардино-Балкарской Республике (5);
  - УФСИН России по Республике Дагестан (16);
  - УФСИН России по Ставропольскому краю (25);
  - УФСИН России по Чеченской Республике (1);
  - ОФСИН России по Карачаево-Черкесской Республике (7);
  - ОФСИН России по Республике Ингушетия (2);
- Приволжский федеральный округ (240 респондентов из 11 территориальных органов):
  - ГУФСИН России по Нижегородской области (39);
  - ГУФСИН России по Пермскому краю (31);
  - УФСИН России по Оренбургской области (10);
  - УФСИН России по Республике Башкортостан (36);
  - УФСИН России по Республике Марий Эл (10);
  - УФСИН России по Республике Мордовия (18);
  - УФСИН России по Республике Татарстан (33);
  - УФСИН России по Самарской области (17);
  - УФСИН России по Саратовской области (4);
  - УФСИН России по Удмуртской Республике (36);
  - УФСИН России по Чувашской Республике (6);
- Уральский федеральный округ (94 респондента из 5 территориальных органов):
  - ГУФСИН России по Свердловской области (3);

- ГУФСИН России по Челябинской области (68);
- УФСИН России по Курганской области (4);
- УФСИН России по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре (7);
- УФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу (12);
- Сибирский федеральный округ (147 респондентов из 7 территориальных органов):
  - ГУФСИН России по Иркутской области (16);
  - ГУФСИН России по Кемеровской области — Кузбассу (81);
  - ГУФСИН России по Красноярскому краю (13);
  - УФСИН России по Алтайскому краю (5);
  - УФСИН России по Республике Хакасия (17);
  - УФСИН России по Томской области (12);
  - ОФСИН России по Республике Алтай (3);
  - Дальневосточный федеральный округ (91 респондент из 9 территориальных органов):
    - ГУФСИН России по Приморскому краю (3);
    - УФСИН России по Амурской области (1);
    - УФСИН России по Еврейской автономной области (12);
    - УФСИН России по Забайкальскому краю (14);
    - УФСИН России по Камчатскому краю (6);
    - УФСИН России по Магаданской области (11);
    - УФСИН России по Республике Саха (Якутия) (8);
    - УФСИН России по Сахалинской области (15);
    - УФСИН России по Хабаровскому краю (21).

На основании изложенного полагаем, что результаты исследования представляют собой достоверное отражение действующих сегодня норм криминальной субкультуры по вопросам, связанным с установлением признаков лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

2. Основное исследование

В настоящее время отсутствует правоприменительная практика привлечения к уголовной ответственности по ст. 210¹ УК РФ, что связано со сложностями определения объективной стороны состава данного преступления. В связи с этим представляет интерес мнение оперативных работников учреждений УИС, выявляющих признаки рассматриваемого преступления, относительно возможности декриминализации данного состава. Лишь малая часть (57, или 5,1351 %) респондентов считает, что данную статью необходимо декриминализировать. По мнению подавляющего большинства респондентов (1034, или 93,1532%), несмотря на имеющиеся трудности с возбуждением и оперативным сопровождением данной категории дел, указанный состав преступления декриминализировать не стоит, что подтверждает необходимость данной новеллы в уголовном законодательстве России.

Одной из главных задач исследования было установление признаков лица, не позволяющих ему приобрести статус «вора в законе» и, как следствие, быть потенциальным субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210¹ и ч. 4 ст. 210 УК

РФ, т. е. лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии (если будет доказано, что всякий вор в законе является лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии). С этой целью анкетированным был задан следующий вопрос: «Имеющаяся судимость за какие преступления не позволяет стать вором в законе?» (табл. 1).

Таблица 1. Ответы на вопрос «Имеющаяся судимость за какие преступления не позволяет стать вором в законе?»

Ответ	Количество ответивших	Процент ответивших
Статья 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста»	964	86,847
Статья 131 УК РФ «Изнасилование»	930	83,784
Статья 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера»	915	82,4324
Статья 240 ¹ УК РФ «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего»	880	79,279
Статья 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера»	870	78,378
Статья 242 ² УК РФ «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов»	860	77,477
Статья 135 УК РФ «Развратные действия»	855	77,027
Статья 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения»	766	69,009

Несмотря на то что судимость — категория уголовно-правовая и напрямую не используемая в криминальных кругах для определения статуса представителей криминального сообщества, наличие судимости является юридическим фактом, который органы следствия могут использовать при производстве по делу. В действительности лицо может совершить латентное преступление, за которое не наступили уголовно-правовые последствия и которое, несмотря на отсутствие судимости, также будет учитываться при определении его неформального криминального статуса, либо, наоборот, правовая оценка его поступка может не совпадать с оценкой поступка со стороны преступного сообщества.

С целью установления значения судимости для определения криминального статуса представителя преступного сообщества анкетированным был задан вопрос «Может ли человек быть вором в законе при наличии судимости за совершение неодобряемых в криминальном сообществе преступлений?». Абсолютное большинство респондентов (625, или 56,306 %) ответило утвердительно: да, он может быть вором в законе, если докажет представителям криминального сообщества, что эти преступления совершены не по его вине, что преступление было квалифицировано неправильно и т. д. Направление большой суммы денег в общак в качестве откупа за совершенное неодобряемое преступление указали лишь 10,9 % респондентов (121 ответ); это свидетельствует о том, что данная проце-

дура перестала быть актуальной. Отрицательный ответ («Нет, он не может быть вором в законе ни при каких обстоятельствах») дала треть респондентов (312, или 28,108 %).

По итогам анализа ответов на данные вопросы можно сделать следующие выводы: 1) совершение неодобряемых в криминальной среде преступлений препятствует присвоению статуса «вор в законе»; 2) при оценке поступка осужденного со стороны криминального сообщества берется во внимание не столько официальная квалификация преступления, сколько реальные обстоятельства совершенного деяния: если официальная квалификация преступления и реальные обстоятельства его совершения не совпадают, оценка поступка производится в соответствии с реальными обстоятельствами дела, т. е. осужденному за совершение неодобряемого в криминальной среде преступления может быть присвоен статус «вор в законе», если он докажет представителям криминального сообщества, что преступление совершено не по его вине, что оно было квалифицировано неправильно; в таком случае статус «вор в законе» (или какой-либо иной статус) не будет утрачен, если лицо, совершившее данное деяние, является вором в законе (или занимает иное положение в преступной иерархии).

С момента зарождения касты воров в законе (примерно начало XX в.) до настоящего времени к кандидатам на присвоение данного статуса в разные периоды предъявляются различные требования. В связи с этим из всех существовавших ранее требований анкетировемым было предложено выбрать актуальные на сегодняшний день требования к ворам в законе (табл. 2).

Таким образом, кандидатом на присвоение статуса «вор в законе» и, как следствие, действующим «вором в законе» может быть мужчина (659, или 59,369 %) традиционной сексуальной ориентации (779, или 70,180 %) (в том числе несовершеннолетний — против этого высказались лишь 397, или 35,766 % опрошенных), не совершавший преступлений, предусмотренных ст. 131, 132, 133, 134, 135, 240¹, 242², 244 УК РФ (706, или 63,604 %), не служивший в армии (вооруженных силах) или правоохранительных органах (811, или 73,063 %), знающий криминальные традиции, обычаи и жаргон (706, или 63,604 %), имеющий обширные связи с лидерами преступных группировок (651, или 58,649 %), не имеющий непоплаченного карточного долга или прощенного оскорбления (645, или 58,108 %) и не занятый в общественно-полезном труде (598, или 53,847 %).

В рамках уголовно-правовых и уголовно-исполнительных правоотношений вор в законе (лицо, претендующее на присвоение статуса «вор в законе») может не иметь опыта отбывания наказания в виде лишения свободы или содержания под стражей; не иметь судимостей; не иметь опыта содержания в штрафном изоляторе (ШИЗО), помещении камерного типа (ПКТ), едином помещении камерного типа (ЕПКТ), одиночной камере; не являться злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания; не участвовать непосредственно в совершении преступлений; не иметь коррупционных связей с представителями администрации исправительного учреждения или следственного изолятора.

В рамках социальных правоотношений кандидат на присвоение статуса «вор в законе» может вести оседлый образ жизни, иметь семью (жену, детей), быть официально трудоустроен в прошлом, вести роскошный образ жизни, иметь в официальной собственности имущество (машины, квартиры и т. д.), иметь официальную

Таблица 2. Ответы на вопрос «Каковы актуальные на сегодняшний день требования к ворам в законе?»

Ответ	Количество ответивших	Процент ответивших
Отсутствие в прошлом службы в армии, правоохранительных органах	811	73,063
Традиционная сексуальная ориентация	779	70,180
Отсутствие судимости за определенные категории преступлений	706	63,604
Знание криминальных традиций, обычаев, жаргона	706	63,604
Вором в законе может быть исключительно мужчина	659	59,369
Наличие обширных связей с лидерами преступных группировок	651	58,649
Отсутствие неоплаченного карточного долга, прощенного оскорбления	645	58,108
Незанятость в общественно полезном труде	598	53,847
Наличие опыта отбывания наказания в виде лишения свободы или содержания под стражей	542	40,721
Пренебрежение к оседлому образу жизни, отсутствие семьи (жены, детей)	406	36,577
Совершеннолетний возраст	397	35,766
Опыт содержания в штрафном изоляторе, помещении камерного типа, едином помещении камерного типа, одиночной камере	326	29,369
Отсутствие в прошлом официального трудоустройства	279	25,135
Отсутствие роскоши, имущества в официальной собственности (машины, квартиры и т. д.)	238	21,441
Наличие двух и более судимостей	220	19,820
Признание злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания	205	18,468
Наличие коррупционных связей с представителями администрации исправительного учреждения или следственного изолятора	143	12,883
Отсутствие официальной регистрации по месту жительства (прописки)	118	10,631
Наличие судимостей исключительно за кражу	82	7,387
Непосредственное участие в совершении тяжких и особо тяжких преступлений	66	5,945
Наличие высшего образования	24	2,162
Крепкая физическая форма, навыки единоборств, спортивный разряд	21	1,891

регистрацию по месту жительства (прописки), употреблять алкоголь, наркотические и психотропные вещества.

Наряду с рассмотренными ранее преступлениями, не одобряемыми в криминальной среде, выделяются так называемые уважительные преступления, одобряемые в криминальной среде, позволяющие стать вором в законе (табл. 3).

Таблица 3. Ответы на вопрос «Каковы “уважительные” преступления, одобряемые в криминальной среде, позволяющие стать воров в законе?»

Ответ	Количество ответивших	Процент ответивших
Статья 158 УК РФ «Кража»	900	81,081
Статья 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)»	724	65,22
Статья 321 УК РФ «Деорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»	607	54,685
Статья 162 УК РФ «Разбой»	593	53,423
Статья 161 УК РФ «Грабеж»	557	50,180
Статья 209 УК РФ «Бандитизм»	533	48,018
Статья 163 УК РФ «Вымогательство»	456	41,081
Статья 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти»	422	38,018
Статья 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа»	395	35,586
Статья 164 УК РФ «Хищение предметов, имеющих особую ценность»	375	33,784
Статья 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти»	340	30,631
Статья 159 УК РФ «Мошенничество»	301	27,117
Статья 313 УК РФ «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи»	277	24,955
Статья 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем»	269	24,234
Статья 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем»	266	23,964
Статья 160 УК РФ «Присвоение или растрата»	197	17,748
Статья 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием»	129	11,622

Традиционно высокой степенью уважения в криминальной среде пользуются лица, совершающие корыстные преступления. Ожидаемым лидером среди таких преступлений является «Кража» (900, или 81,081 %). Большое количество ответов, согласно которым к числу «уважаемых» в криминальной среде преступлений относится деяние, предусмотренное ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» (724, или 65,225 %), думается, связано не с тем, что именно данное преступление является «уважительным», а с тем, что такое преступление может совершить исключительно «уважаемый» в криминальной среде человек, являвшийся уважаемым до момента совершения преступления, поскольку неуважаемый человек организовать преступное сообщество (преступную организацию) не в состоянии. Завершают перечень «уважительных» преступлений предусмотренные ст. 321 УК РФ «Деорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» (607, или 54,685 %), ст. 162

УК РФ «Разбой» (593, или 53,423 %), ст. 161 УК РФ «Грабеж» (557, или 50,180 %), набравшие чуть больше половины утвердительных ответов.

Преступления, предусмотренные ст. 209, 163, 318, 317, 164, 319, 159, 313, 208, 174, 160, 165 УК РФ (нумерация статей приводится в порядке убывания утвердительных ответов, т. е. ст. 209 набрала чуть меньше половины ответов, а ст. 165 набрала минимальное количество ответов) набрали менее половины ответов респондентов, в связи с чем представляются утрачивающими значение для криминального мира при определении положения лица в системе криминальной стратификации.

Одним из ключевых доводов, лежащих в основе обвинительных приговоров по ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ, является наличие у подсудимого татуировок, которые могут наносить себе только воры в законе. Так, в обвинительном приговоре в отношении подсудимого С.Э. Асатряна, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, суд указал:

В целях подтверждения и демонстрации своего преступного статуса, а также в целях соблюдения, пропаганды традиций и обычаев криминальной субкультуры С.Э. Асатрян не позднее <дата> нанес на свое тело так называемые татуировки, свидетельствующие о том, что их носитель обладает высоким рангом в преступной иерархии, в частности, в воровском сообществе и позиционирует себя в криминальной иерархии как обладатель статуса «вор в законе». <...> Как следует из заключения криминалистической экспертизы, татуировка паука, ползущего вверх, означает, что ее носитель является профессиональным преступником, который не намерен прекращать свою преступную деятельность. Восемиконечные звезды на брюшке паука и на коленях означают, что данное лицо занимает высшее положение в преступной иерархии, несут смысл «никогда не встану на колени перед кем-либо», например государством, обществом².

В качестве опровержения данного утверждения стороной защиты в суд зачастую приглашаются лица, не относящиеся к преступному миру, но имеющие на теле соответствующие татуировки, которые, по их мнению, носят не криминально-субкультурный, а эстетический характер. Так, в обвинительном приговоре в отношении подсудимого О.М. Бекаева, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 210¹, ч. 2 ст. 321 УК РФ, эксперты указали: «В настоящее время каких-то обязательных татуировок, которые прямо указывали бы на статус “вор в законе”, нет»³. Для проверки данной гипотезы перед респондентами был поставлен вопрос: «Является ли татуировка, подтверждающая статус “вор в закон”, обязательной для нанесения вору в законе, или вор в законе может быть без татуировок?» Две трети респондентов (745, или 67,117 %) считают, что наличие татуировки, подтверждающей статус вора в законе, для вора в законе не обязательно, и лишь треть опрошенных (327, или 29,459 %) посчитала, что вор в законе обязан носить татуировку, подтверждающую его статус.

Анкетиремым были предложены для рассмотрения татуировки, которые, согласно криминологическим исследованиям, в различные периоды характеризовали их носителей как представителей высшей касты преступного сообщества (воров

² Приговор в отношении подсудимого С.Э. Асатряна от 01.06.2021, г. Саратов.

³ Приговор в отношении подсудимого О.М. Бекаева от 12.08.2021, г. Ижевск.

в законе). Абсолютное большинство оперативных работников указало, что к числу подобных татуировок относятся восьмиконечная (839, или 75,586 %) либо шестиконечная (427, или 39,369 %) звезда; на втором месте эполет с изображением креста и кисточками (221, или 19,91 %) и эполет в виде плетения (189, или 17,027 %); на третьем — пробитый мечом череп с обвивающей его змеей в короне и розой (166, или 14,955 %). Остальные татуировки, вероятно, на сегодняшний день утратили актуальность, практически не применяются представителями криминального мира в качестве идентификации лидеров преступной среды (от 1 до 11 %).

На вопрос о том, является ли процедура присвоения звания «вор в законе» («коронации», «крещения») обязательной для присвоения такого звания, утвердительно ответили практически все респонденты (1026, или 92,432 %), и лишь малая часть опрошенных (72, или 6,486 %) считает, что такая процедура не обязательна и вором в законе можно стать без нее. Из этого следует, что процессуальная (ритуальная) составляющая присвоения статуса «вор в законе» принципиально важна, без процедуры «коронации» («крещения») статус «вор в законе» присвоен быть не может.

На вопрос «Какая процедура проводится при присвоении звания “вор в законе” (т. е. при “коронации”, “крещении”)?» были получены следующие ответы:

— по инициативе одного или нескольких воров в законе созывается собрание воров в законе (сходка), на котором обсуждаются кандидатура человека, его заслуги перед преступным сообществом, проверяется знание им правил и традиций уголовной среды, рассматриваются его личностные характеристики (волевые способности, умение разрешать конфликты и сплачивать преступные группы и т. п.), изучается его прошлое, выясняется, соответствует ли он предъявляемым требованиям; после этого произносятся клятвы на верность преступному сообществу, «воровским идеалам» и т. п., наносятся татуировки, соответствующие статусу «вор в законе», и назначается воровская кличка (901, или 81,171 %);

— по инициативе одного или нескольких воров в законе созывается собрание воров в законе (сходка) во главе с лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, ведется протокол заседания сходки, выступают защитник рассматриваемого кандидата, обвинитель, припоминающий ему нарушения требований криминальных норм, свидетели защиты и свидетели обвинения; в завершение сходка удаляется на совещание, после чего большинством голосов принимает решение о присвоении звания «вор в законе» или об отказе в его присвоении, после чего протокол сходки подписывается лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии (127, или 11,441 %);

— сотрудник исправительного учреждения (следственного изолятора) подает рапорт о постановке лица на профилактический учет как лидера или активного участника группировки отрицательной направленности, на основании которого дисциплинарная комиссия принимает соответствующее решение, оформляемое протоколом за подписью начальника учреждения, в результате чего лицо приобретает статус «вор в законе» (16, или 1,441 %);

— каждый, кто соблюдает все правила криминального сообщества, вправе нанести себе соответствующие татуировки и именоваться «вор в законе» (8, или 0,720 %).

Анализ представленных ответов позволяет сделать вывод, согласно которому процедура присвоения звания «вор в законе» («коронация», «крещение») произво-

дится следующим образом: по инициативе одного или нескольких воров в законе созывается собрание воров в законе (сходка), на котором обсуждаются кандидатура человека, его заслуги перед преступным сообществом, проверяется знание им правил и традиций уголовной среды, рассматриваются его личностные характеристики (волевые способности, умение разрешать конфликты и спланировать преступные группы и т. п.), изучается его прошлое, выясняется, соответствует ли он предъявляемым требованиям. После этого произносятся клятвы на верность преступному сообществу, «воровским» идеалам и т. п., наносятся татуировки, соответствующие статусу «вор в законе», и назначается воровская кличка (901, или 81,171 %). Иные представленные на рассмотрение процедуры присвоения звания «вор в законе» не применяются. Обратим внимание на то, что второй вариант, набравший лишь 127 ответов (11,441 %), отличался от первого варианта формализованным характером и участием «лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии». Третий вариант был связан с формализованной процедурой постановки лица на профилактический учет в качестве лидера или активного участника группировки отрицательной направленности. Малое количество утвердительных ответов на данный вопрос позволяет заключить, что факт постановки лица на профилактический учет в качестве лидера или активного участника группировки отрицательной направленности не является основанием для признания его вором в законе. Последний вариант, набравший наименьшее количество утвердительных ответов (8, или 0,720 %), свидетельствует, что даже содержательное соответствие лица требованиям, предъявляемым к ворами в законе, не позволяет ему приобрести звание «вор в законе» без формальной процедуры «коронации» («крещения»).

Для определения субъективной стороны деяния, направленности умысла лица на приобретение звания «вор в законе», недопущения объективного вменения при привлечении к уголовной ответственности по ст. 210¹ и ч. 4 ст. 210 УК РФ, респондентам был задан вопрос «Возможно ли присвоение человеку звания “вор в законе” без его согласия, желания, стремления к его получению?», на который были получены следующие ответы: 1) нет, невозможно (838, или 75,495 %); 2) да, возможно, если он имеет большой авторитет среди представителей преступного сообщества (180, или 16,216 %).

Из анализа ответов следует, что присвоение человеку звания «вор в законе» возможно исключительно в соответствии с его согласием, желанием, стремлением к его получению. Звание «вор в законе» не может быть присвоено заочно, без участия лица в формальной процедуре «коронации» («крещения»), сам факт участия в которой свидетельствует о согласии лица с присвоением ему звания «вор в законе», желании получения этого звания и стремлении к его получению.

В процессе идентификации воров в законе среди прочих представителей криминального мира важной характеристикой являются выполняемые ими функции. Анкетированным были предложены функции, указанные судами в немногочисленных обвинительных приговорах по ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ. На вопрос о том, какие функции выполняет вор в законе, ответы распределились следующим образом:

— участие в воровских сходках, сборах лидеров уголовно-преступной среды с целью решения вопросов, связанных с реализацией организационно-распорядительных, иных регулирующих и дисциплинарных функций в криминальной среде, реализуемых путем личных встреч, посредством конференц-связи с помощью мо-

бильных устройств либо путем письменных обращений, адресованных представителям уголовно-преступной среды, а также лицам, содержащимся в учреждениях и местах принудительной изоляции от общества (878, или 79,099 %);

— координация деятельности организованных групп и участников уголовно-преступной среды на территории своего криминального влияния, а также в федеральных казенных учреждениях ФСИН России, в том числе во время содержания под стражей и отбывания наказания в этих учреждениях, обеспечение поддержки членам преступного сообщества и их деятельности, руководство ими при использовании своего авторитетного положения (809, или 72,882 %);

— присвоение, понижение и лишение высших криминальных статусов («положенец», «смотрящий»), т.е. назначение и отстранение лиц, уполномоченных выполнять отдельные организационно-распорядительные, иные регулирующие и дисциплинарные функции в уголовно-преступной среде в пределах определенной территории, в том числе в учреждениях и местах принудительной изоляции от общества, а также территории, находящейся под его криминальным влиянием (766, или 69,009 %);

— выступление в качестве «третьей стороны» при разрешении споров между представителями уголовно-преступной среды, в том числе между лидерами преступных групп (744, или 67,027 %);

— аккумуляция и учет преступных доходов, контроль, обеспечение пополнения и распределение общака, которым является совокупность материальных ценностей и денежных средств, накапливаемых в целях ресурсной и финансовой поддержки отдельных представителей уголовно-преступной среды, членов организованных преступных формирований, в том числе содержащихся в учреждениях и местах принудительной изоляции от общества (660, или 59,459 %);

— соблюдение и пропаганда воровских, преступных традиций и обычаев, формирование антисоциальных и преступных ценностей в обществе (588, или 52,973 %);

— наложение запретов на употребление наркотических средств, алкогольных напитков, употребление пищи (объявление голодовок) в отношении лиц, содержащихся в учреждениях и местах принудительной изоляции от общества (517, или 46,577 %);

— выполнение организационно-распорядительных, иных регулирующих и дисциплинарных функций в уголовно-преступной среде, позволяющих контролировать различные направления деятельности криминальных структур и обеспечивать их существование (476, или 42,883 %);

— присвоение низшего криминального статуса за совершение деяний, негативно оцениваемых представителями криминальной среды, нарушающих неформальные нормы и правила, регламентирующие поведение представителей уголовно-преступной среды, либо причинивших вред жизни, здоровью, репутации, имуществу лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, в том числе связанных с оказанием содействия правоохранительным органам (421, или 37,928 %);

— создание организованных групп для совершения преступлений, привлечение в них новых участников и распределение ролей между ними, планирование преступной деятельности, а также личное участие в совершении преступлений,

в том числе определенной направленности — вымогательств, для извлечения преступных доходов (411, или 37,027 %);

— обеспечение безнаказанности преступной деятельности криминальных групп и участников уголовно-преступной среды путем устрашения, дискредитации неугодных лиц, установления и поддержки коррупционных связей (267, или 24,054 %).

Таким образом, основной функцией воров в законе является участие в воровских сходках с целью решения вопросов, стоящих перед преступным сообществом. Это подтверждает целесообразность принятия ч. 1¹ ст. 210 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и/или организованных групп в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210 УК РФ. Остаются актуальными координационно-управленческие функции воров в законе, связанные с координацией деятельности представителей преступного сообщества, определением места представителей преступного сообщества в системе криминальной стратификации, роли и функций каждого отдельного участника преступного формирования (от назначения «положенцев» до определения в низшую касту преступной иерархии).

Неотъемлемой составляющей статуса «вор в законе» является участие в формировании системы криминальной стратификации — наделения участников преступного формирования определенными криминальными статусами и, как следствие, вытекающими из них социальными ролями. Данная деятельность представляет собой необходимый элемент криминального администрирования, вытекающий из статуса руководителя преступной организации (809, или 72,882 %).

Одной из важнейших функций вора в законе остается функция арбитра, судьи, разрешающего внутригрупповые споры, которые по очевидным причинам не могут быть разрешены в официальном порядке (744, или 67,027 %) и решение которых может привести к изменению статуса участников преступного формирования в системе криминальной стратификации, т.е. «судебная» функция тесно связана с «административной».

Немаловажной функцией воров в законе продолжают оставаться аккумуляция и учет преступных доходов, контроль, обеспечение пополнения и распределение общака, которым является совокупность материальных ценностей и денежных средств, накапливаемых в целях ресурсной и финансовой поддержки отдельных представителей уголовно-преступной среды, членов организованных преступных формирований, в том числе содержащихся в учреждениях и местах принудительной изоляции от общества (660, или 59,459 %). Данный показатель объясняется превалирующей корыстной мотивацией членов преступного сообщества. Наличие общака и его пополнение являются гарантией безопасности преступного сообщества, способного использовать коррупционные связи в своих целях, поддерживать своих членов, подвергшихся уголовному преследованию, обеспечивать комфортные условия существования лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, и их приближенным.

Завершает группу наиболее важных функций воров в законе функция по соблюдению и пропаганде воровских, преступных традиций и обычаев, формированию антисоциальных и преступных ценностей в обществе (588, или 52,973 %).

Несмотря на то что данный показатель набрал свыше половины голосов респондентов, он является достаточно низким и завершает перечень функций, указанных абсолютным большинством анкетированных. Следует сделать вывод, согласно которому «идеологическая» функция воров в законе перестала быть доминантной, отошла на второй план, стала выполнять роль ширмы, придающей романтический ореол сугубо меркантильной направленности преступного сообщества (преступной организации).

Чуть менее половины респондентов посчитали, что к числу функций воров в законе относится наложение запретов на употребление наркотических средств, алкогольных напитков, употребление пищи (объявление голодовок) в отношении лиц, содержащихся в учреждениях и местах принудительной изоляции от общества (517, или 46,577%). Наложение запретов на употребление наркотических средств и алкогольных напитков трудно отнести к противоправным функциям в принципе, поскольку такого рода предписания исходят и от руководства учреждений УИС на основании действующих нормативных правовых актов. Но воры в законе, положенцы, смотрящие используют подобного рода предписания в своих целях для обеспечения безопасности подконтрольных им осужденных и лиц, заключенных под стражу. Данный показатель демонстрирует высокую степень обязательности властных предписаний рассматриваемой категории лиц, наличие у них реальных управленческих полномочий, способности управлять преступным сообществом. Это проявляется в том, что если представители преступного сообщества в точности выполняют невыгодные и неуютные им распоряжения вора в законе, положенца, смотрящего, иного лидера преступной среды, то выгодные и уютные им распоряжения данных лиц будут выполнены с еще большей степенью исполнительской дисциплины.

Выполнение организационно-распорядительных, иных регулирующих и дисциплинарных функций в уголовно-преступной среде, позволяющих контролировать различные направления деятельности криминальных структур и обеспечивать их существование, занимает лишь восьмое место по степени значимости выполняемых воров в законе функций (476, или 42,883%). Это объясняется тем, что вор в законе сам непосредственно редко участвует в организации совершения преступлений, в непосредственном ежедневном управлении представителями преступного сообщества. В крупных преступных сообществах, насчитывающих сотни и тысячи участников, непосредственное управление осуществляется не воров в законе, а его ближайшим и верным окружением. К такому окружению относятся различные «стремящиеся»: положенцы и смотрящие. Вор в законе в большей степени осуществляет стратегические, а не тактические функции. В небольших преступных сообществах, насчитывающих небольшое количество участников, вор в законе может выполнять рассматриваемые организационно-распорядительные функции.

Присвоение низшего криминального статуса за совершение деяний, негативно оцениваемых представителями криминальной среды, нарушающих неформальные нормы и правила, регламентирующие поведение представителей уголовно-преступной среды, либо причинивших вред жизни, здоровью, репутации, имуществу лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, в том числе связанных с оказанием содействия правоохранительным органам, занимает девятое место в рейтинге функций вора в законе (421, или 37,928%). Несмотря на то что вор в законе являет-

ся высшей «судебной инстанцией» в преступном сообществе с правом привлечения к ответственности за нарушение норм криминальной субкультуры, в подавляющем большинстве случаев вопрос о статусе лица может быть решен на «досудебной стадии»: когда человек самостоятельно принял решение о переходе в касту лиц, занимающих низшее положение в преступной иерархии; совершил деяние, противоречащее нормам криминальной субкультуры, и был подвергнут за это насильственным позорящим процедурам со стороны других представителей криминального сообщества; совершил подобное деяние при условиях очевидности, не отрицая факта нарушения и т. п. В других случаях, когда, например, лицо заключено под стражу по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 131 УК РФ, оно вправе доказать свою невиновность перед воров в законе, несмотря на обвинительный или оправдательный приговор официальной судебной инстанции.

Предпоследнее место в числе функций вора в законе занимает создание организованных групп для совершения преступлений, привлечение в них новых участников и распределение ролей между ними, планирование преступной деятельности, а также личное участие в совершении преступлений, в том числе определенной направленности — вымогательств, для извлечения преступных доходов (411, или 37,027 %). Столь невысокий показатель распространенности данной функции объясняется теми же причинами, что были рассмотрены ранее, а именно тем, что на современном этапе в крупных преступных сообществах вор в законе выполняет «политические», «стратегические», а не «тактические» функции. Непосредственная управленческая деятельность по приисканию участников какого-либо преступного формирования зачастую осуществляется не воров в законе, а его приближенными, также занимающими высокое положение в преступной иерархии. Современные воры в законе лично практически не участвуют в совершении преступлений, поскольку КПД такого участия стремится к нулю, а вероятность быть привлеченным к уголовной ответственности высока. Личное участие в совершении преступлений было обязательным для воров начала — середины XX в. С 1960-х годов воры в законе отстранились от непосредственного участия в совершении преступлений, осознав, что опосредованное совершение преступлений путем управления преступным сообществом является более безопасным и более выгодным способом осуществления преступной деятельности.

Завершает список функций вора в законе функция по обеспечению безнаказанности преступной деятельности криминальных групп и участников уголовно-преступной среды путем устрашения, дискредитации негодных лиц, установления и поддержки коррупционных связей (267, или 24,054 %), что может объясняться высокой степенью латентности коррупционных отношений, невозможностью доказательства влияния на принятие какого-либо решения из соображений дружбы, товарищества, уважительного, доверительного отношения. Данные категории лежат в плоскости морали и нравственности, зачастую не имея какого-либо денежного или материального выражения. В связи с этим фактически существующие коррупционные отношения между ворами в законе и представителями органов государственной власти и местного самоуправления нередко не имеют внешнего выражения, остаются вне пределов оценки со стороны правоохранительных органов, не могут учитываться при квалификации статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, в силу действия презумпции невиновности.

Криминальная среда в России неоднородна, она подразделена на множество преступных сообществ (преступных организаций), разделенных по территориальному, национальному и другим признакам, сотрудничающих и противодействующих друг другу. В связи с этим в рамках исследования представлял интерес вопрос о том, всегда ли вор в законе, признаваемый одним криминальным сообществом, признается вором в законе другим криминальным сообществом. Абсолютное большинство респондентов ответили: «Нет, не всегда: воры в законе, коронованные в одном криминальном сообществе могут не признаваться ворами в законе другим криминальным сообществом» (610, или 54,955 %); лишь меньше половины оперативных работников ответили на данный вопрос утвердительно: «Да, если человек стал вором в законе, он признается вором в законе всеми криминальными сообществами» (464, или 41,802 %). Данная статистика имеет историческое подтверждение. В 1970-е годы, когда в результате «сучьих войн» и активной работы силовиков по дискредитации лидеров преступного мира от довоенной численности воров в законе осталось чуть более 3 %, началась активная массовая «коронация»: каждое преступное сообщество пыталось пополнить свою численность «авторитетным» составом. В результате многим кандидатам высший криминальный статус был присвоен незаслуженно, в нарушение действовавших ранее требований к ворами в законе. Существенно упростились требования и к процедуре «коронации» («крещения»): не требовалась воровская сходка, для посвящения в воры в законе достаточно было участия двух действующих воров в законе. Это нередко приводило к тому, что два новоиспеченных вора в законе, «короновали» («крестили») третьего, и так далее в арифметической прогрессии. В итоге массовой «коронации» («крещения») преступные сообщества перенасытились преступными авторитетами, статус которых нередко подвергался сомнению. На сегодняшний день статус «вор в законе» может быть приобретен в результате крупного капиталовложения в воровской общак конкретного преступного сообщества. Иные преступные сообщества, не получившие такого финансирования, естественно, не заинтересованы в признании подобных лиц (именуемых «апельсинами», «мандаринами», «лаврушниками») действительными ворами в законе, несмотря на то что в данных сообществах также может проводиться «коронация» («крещение») за взнос в общак.

Выводы в связи с этим подтверждаются сведениями по следующему вопросу: «Возможно ли приобрести звание “вор в законе” за деньги, заплатив в общак?» На этот вопрос утвердительно ответили почти две трети респондентов (689, или 62,072 %), отрицательно — лишь одна треть (366, или 32,973 %).

Упрощение процедуры «коронации» («крещения») привело к тому, что, помимо лиц, обладающих высокими морально-волевыми, лидерскими, управленческими качествами, знающих и соблюдающих традиции и обычаи криминального мира, среди воров в законе появились лица, не имеющие опыта содержания под стражей или отбывания наказания, имеющие весьма абстрактные представления о действующих в преступных сообществах нормах криминальной субкультуры. Их статус, как было рассмотрено ранее, нередко подвергался проверке со стороны представителей как других криминальных сообществ, так и криминальных сообществ, членами которых они являлись. В связи с этим перед респондентами был поставлен вопрос: «Может ли вор в законе (положенец, смотрящий) не иметь ре-

ального влияния на жизнь криминального сообщества?» Ответы распределились следующим образом:

— вор в законе (положенец, смотрящий) всегда имеет влияние на жизнь криминального сообщества (874, или 78,738 %);

— вор в законе (положенец, смотрящий) может не иметь реального влияния на жизнь криминального сообщества (217, или 19,550 %).

Следовательно, лицо, имеющее статус «вор в законе», независимо от способа получения такого статуса (за заслуги или за деньги) всегда имеет влияние на жизнь криминального сообщества, обладает властными распорядительными полномочиями по отношению к иным его участникам. Положенец и смотрящий являются в большей степени «должностями», а не статусом. Положенец назначается на свою «должность» распоряжением вора в законе и осуществляет свои функции в пределах крупного объекта (город, регион, следственный изолятор, тюрьма, исправительная колония и т. п.), в то время как смотрящий — это «выборное должностное лицо», назначаемое «демократическим» путем из числа членов преступной организации (смотрящий за городом, регионом, следственным изолятором, тюрьмой, исправительной колонией и т. п.). Ссмотрящий за отдельными направлениями деятельности (за промышленным предприятием, рынком, наркотрафиком, карточной игрой и т. п.) также может быть назначен распоряжением вора в законе, в том случае, если вор в законе при этом находится на «должности» положенца на данной территории. Таким образом, факт занятия «должности» положенца или смотрящего автоматически наделяет лицо организационно-властными полномочиями, источником власти которых является либо вор в законе (в случае с положенцем), либо участники преступного сообщества (в случае со смотрящим).

В рамках исследования соотношения понятий «вор в законе» («положенец», «смотрящий») и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» представлял интерес вопрос о том, может ли человек, не являющийся вором в законе (положенцем, смотрящим), фактически руководить криминальным сообществом, иметь на него значительное влияние. Другими словами, может ли лицо, не являющееся вором в законе (положенцем, смотрящим) быть лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии? Утвердительно («да, может») на данный вопрос ответило подавляющее большинство респондентов (891, или 80,270 %), и лишь немногие оперативные работники (183, или 16,486 %) ответили «нет, не может». Следовательно, лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, может быть лицо, не имеющее статуса «вор в законе», не являющееся положенцем или смотрящим. Нередко в исправительных учреждениях и следственных изоляторах наряду с официальным положенцем или смотрящим имеется «серый кардинал», стоящий за официальным лидером, фактически руководящий жизнедеятельностью преступного сообщества, но не имеющий столь высокого криминального статуса, как «вор в законе».

Одним из доказательств, представляемых суду стороной защиты при рассмотрении вопроса о виновности лица, обвиняемого по ч. 4 ст. 210 или ст. 210¹ УК РФ, нередко становится ситуация, в которой подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) публично провозглашает себя лицом, не являющимся вором в законе, а также если он выполняет какие-либо действия, не соответствующие статусу «вор в законе» (уборка в камере, в том числе санузла; стирка белья; сотрудничество с органами следствия и т. п.), что в соответствии с основополагающими принципами криминальной

Таблица 4. Ответы на вопрос «Если на вопрос следователя вор в законе ответит, что он не вор в законе, или выполнит действия, противоречащие его статусу вора в законе (уберется в камере), утратит ли он влияние на криминальное сообщество?»

Федеральный округ	Общее количество опрошенных	Ответ	Количество ответивших	Процент ответивших
Центральный	273	да	161	58,974
		нет	102	37,363
Северо-Западный	116	да	59	50,862
		нет	50	43,103
Южный	93	да	34	36,559
		нет	57	61,29
Северо-Кавказский	56	да	25	44,643
		нет	31	55,357
Приволжский	240	да	110	45,833
		нет	119	49,583
Уральский	94	да	41	43,617
		нет	51	54,255
Сибирский	147	да	53	36,054
		нет	83	56,463
Дальневосточный	91	да	49	53,846
		нет	37	40,659

субкультуры ранее категорически запрещалось и строго наказывалось со стороны преступного сообщества. Яркий пример — период 1950-х годов, время ожесточенного противостояния работников НКВД воровскому движению. В лагерях перед строем осужденных звучала команда «Воры в законе», выйти из строя!» и перед ворами вставал выбор: выйти из строя и быть расстрелянным или остаться в строю и быть зарезанным своими же товарищами за отказ от своего статуса.

В связи с этим перед респондентами был поставлен следующий вопрос: «Если на вопрос следователя вор в законе ответит, что он не вор в законе, или выполнит действия, противоречащие его статусу вора в законе (уберется в камере), утратит ли он влияние на криминальное сообщество?» Ответы поделились практически поровну: «Да, утратит, так как публично отказался от своего звания» (532, или 47,928 %) и «Нет, не утратит, так как он ответил перед сотрудниками, а не перед другими представителями криминального сообщества» (530, или 47,747 %). Чуть более 4 % респондентов воздержались от ответа. Неоднозначность в ответе на данный вопрос может свидетельствовать о неодинаковом регулировании данных отношений нормами криминальной субкультуры различных криминальных сообществ в различных территориальных образованиях. Для проверки этого предположения рассмотрим ответы на данный вопрос по федеральным округам (табл. 4).

Региональный анализ также демонстрирует равное соотношение утвердительных и отрицательных ответов на данный вопрос почти во всех федеральных окру-

гах. Наиболее существенные отклонения мнений наблюдаются лишь в Центральном федеральном округе с приоритетом утвердительных ответов, а также в Южном и Сибирском федеральных округах — с приоритетом отрицательных ответов. В связи с этим следует предположить, что со значительной степенью вероятности в Центральном федеральном округе вор в законе совершивший позорящие его действия в целях уклонения от уголовной ответственности, утратит свой криминальный статус, а в Южном и Сибирском федеральных округах — нет.

На вопрос «Может ли человек добровольно отказаться от звания “вор в законе”?» три четверти (838, или 75,495 %) респондентов ответили утвердительно и лишь пятая часть (220, или 19,819 %) отрицательно. Таким образом, если исходить из тождества понятий «вор в законе» и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», то добровольный отказ от занятия такого положения, а следовательно, от совершения преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ, фактически возможен, но его процедура урегулирована не правовыми нормами, а нормами криминальной субкультуры.

При добровольном отказе лица от звания «вор в законе» проводится следующая процедура лишения данного звания: по инициативе самого вора в законе созывается собрание воров в законе (сходка), где он убеждает собравшихся в обоснованности и весомости доводов, по которым решил отказаться от звания «вор в законе», на основании чего сходка принимает решение о лишении его звания, о чем рассылается соответствующая информация другим заинтересованным лицам (716, или 64,505 %).

Иные варианты ответов на данный вопрос набрали ничтожно малое количество голосов, из чего следует, что такие процедуры лишения звания «вор в законе» не применяются и их применение невозможно. На это стоит обратить внимание с позиции правоприменительной практики, поскольку при решении вопроса о виновности лица и определении момента окончания преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210, ст. 210¹ УК РФ, у сотрудников правоохранительных органов могут возникнуть заблуждения относительно вариантов возможного добровольного отказа лица от звания «вор в законе». Итак, не применяются следующие процедуры добровольного отказа от звания «вор в законе»:

— звание снимается автоматически в результате публичного отказа от него в средствах массовой информации (на телевидении, в печати, интернете) (127, или 11,441 %);

— звание снимается автоматически в результате ведения правопослушного образа жизни, отказа от совершения преступлений (118, или 10,631 %);

— вор в законе самостоятельно сводит (корректирует) имеющиеся татуировки, характеризующие его статус (29, или 2,612 %);

— сотрудник исправительного учреждения (следственного изолятора) подает рапорт о снятии лица с профилактического учета как лидера или активного участника группировки отрицательной направленности, на основании которого дисциплинарная комиссия принимает соответствующее решение, оформляемое протоколом за подписью начальника учреждения, в результате чего лицо утрачивает статус «вор в законе» (19, или 1,711 %).

Среди всех указанных выше процедур для целей УИС особо следует отметить последнюю. Представленная на рассмотрение процедура описывает примерный

порядок снятия лица, состоящего на профилактическом учете в качестве лидера или активного участника группировки отрицательной направленности, с профилактического учета по данному основанию. Ничтожно малое количество голосов за данный вариант свидетельствует о том, что формальная процедура снятия лица с профилактического учета (а следовательно, и постановки на профилактический учет) по основанию «лидеры и активные участники группировок отрицательной направленности, а также лица, оказывающие негативное влияние на других подозреваемых, обвиняемых и осужденных» никак не влияет на криминальный статус лица в системе преступной иерархии.

Наряду с добровольным отказом от звания «вор в законе» представлял интерес вопрос о том, может ли человек быть принудительно лишен звания «вор в законе». Практически все респонденты ответили на данный вопрос утвердительно (1003, или 90,360 %), и лишь малая часть отрицательно (59, или 5,315 %). Таким образом, следует вывод о том, что лицо, являющееся воров в законе, может быть принудительно лишено своего звания.

На вопрос «Отметьте процедуру лишения звания “вор в законе”, которая проводится при принудительном лишении лица звания “вор в законе”» были получены следующие ответы:

- процедура принудительного лишения лица звания «вор в законе» такая же, как процедура лишения звания «вор в законе» при добровольном отказе от такого звания (593, или 53,423 %);

- совершение обряда «удар по ушам» (203, или 18,288 %);

- совершение в отношении лица насильственных действий сексуального характера (94, или 8,468 %);

- вступление в силу оправдательного приговора суда в отношении обвиняемого по ст. 210¹ УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» (24, или 2,162 %);

- принятие администрацией исправительного учреждения (следственного изолятора) решения о снятии лица с профилактического учета как лидера или активного участника группировки отрицательной направленности (21, или 1,891 %).

Из представленных данных следует, что процедура принудительного лишения звания «вор в законе» производится следующим образом: по инициативе одного из воров в законе созывается собрание воров в законе (сходка), на которой он убеждает собравшихся в обоснованности и весомости доводов, по которым следует лишить другого вора в законе данного звания, на основании чего сходка принимает решение о лишении звания «вор в законе» (о чем рассылается соответствующая информация другим заинтересованным лицам) или о сохранении этого звания. Думается, при принятии решения о лишении звания «вор в законе» может проводиться совершение обряда «удар по ушам» (203, или 18,288 %), но сам по себе ритуал без решения сходки силы не имеет. Совершение в отношении лица насильственных действий сексуального характера (94, или 8,468 %) само по себе не влечет лишение звания «вор в законе», но может быть основанием для принятия такого решения сходкой.

Ничтожно малое количество ответов, согласно которым процедура принудительного лишения звания «вор в законе» связана со вступлением в силу оправдательного приговора суда в отношении обвиняемого по ст. 210¹ УК РФ «Занятие

высшего положения в преступной иерархии» (24, или 2,162 %), а также с принятием администрацией исправительного учреждения (следственного изолятора) решения о снятии лица с профилактического учета как лидера или активного участника группировки отрицательной направленности (21, или 1,891 %), отчетливо свидетельствует о том, что данные юридические факты не имеют ни малейшего значения для определения статуса лица в системе криминальной иерархии. Следовательно, лицо, в отношении которого вступил в юридическую силу оправдательный приговор суда по ст. 210¹ или по ч. 4 ст. 210 УК РФ, не утрачивает звания «вор в законе»; лицо, снятое с профилактического учета в качестве лидера или активного участника группировки отрицательной направленности, не утрачивает звания «вор в законе».

Завершающим этапом исследования было установление категории лиц в системе криминальной стратификации и распределения криминальных ролей, относящихся к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии. С этой целью респондентам был задан следующий вопрос: «Какие лица, из числа лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, по вашему мнению, относятся к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии (субъектам преступления по ст. 210¹ УК РФ)?» (табл. 5).

Практически все респонденты, за редким исключением, утверждают, что к числу лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, относится смотрящий за зоной (смотрящий за СИЗО) (1014, или 91,351 %). Чуть менее половины респондентов к данной категории лиц отнесли смотрящих за общаком (505, или 45,495 %), а остальные многочисленные категории смотрящих набрали незначительное количество утвердительных ответов, в подавляющем большинстве случаев составляющих не более 10 %. Следовательно, к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии (субъектам преступления по ст. 210¹ УК РФ), из числа лиц, содержащихся в учреждениях УИС, относятся исключительно смотрящие за зоной (смотрящие за СИЗО).

Криминальная стратификация распространена как среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, так и среди лиц, не содержащихся в таких учреждениях. В связи с этим с целью установления категории лиц в системе криминальной стратификации и распределения криминальных ролей, относящихся к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, респондентам был задан вопрос: «Какие лица, из числа лиц, не содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, по вашему мнению, относятся к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии?» (табл. 6).

Анализ представленных ответов позволяет сделать несколько очень важных выводов. Во-первых, к числу лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, относятся смотрящий за областью (краем, округом и т. д.) (874, или 78,739 %) и смотрящий за городом (724, или 65,225 %). Во-вторых, к числу таких лиц, не относятся смотрящий за районом (270, или 24,324 %), смотрящий за государством (122, или 10,991 %), смотрящий за наркоторговлей (торговлей оружием, проституцией и иными незаконными направлениями деятельности) (165, или 14,865 %). В-третьих, в правовой доктрине имеются различные толкования понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии»; одно из них предполагает, что таким лицом является единственный человек, занимающий такое положение в преступной

Таблица 5. Ответы на вопрос «Какие лица, из числа лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, по вашему мнению, относятся к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии (субъектам преступления по ст. 210¹ УК РФ)?»

Ответ	Количество ответивших	Процент ответивших
Смотрящий за зоной (смотрящий за СИЗО)	1014	91,351
Смотрящий за общеком	505	45,495
Смотрящий за игрой	373	33,604
Смотрящий за ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ	303	27,297
Смотрящий за отрядом	162	14,595
Смотрящий за промышленной зоной	157	14,144
Смотрящий за корпусом	115	10,36
Смотрящий за больницей	106	9,549
Смотрящий за карантинном	85	7,657
Смотрящий за камерой	59	5,315
Смотрящий за медицинской частью	51	4,594
Смотрящий за карцером	49	4,414
Смотрящий за локальным участком для содержания ВИЧ-инфицированных или больных туберкулезом	32	2,882
Смотрящий за барыжничеством	31	2,792
Смотрящий за религиозным объектом	30	2,702
Смотрящий за комнатой свиданий и передач	26	2,342
Смотрящий за пищеблоком	25	2,252
Смотрящий за пайками	22	1,982
Смотрящий за банно-прачечным комплексом	21	1,891

Таблица 6. Ответы на вопрос «Какие лица, из числа лиц, не содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, по вашему мнению, относятся к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии?»

Ответ	Количество ответивших	Процент ответивших
Смотрящий за областью (краем, округом и т. д.)	874	78,739
Смотрящий за городом	724	65,225
Смотрящий за районом	270	24,324
Смотрящий за государством	122	10,991
Смотрящий за наркоторговлей (торговлей оружием, проституцией и др. незаконными направлениями деятельности)	165	14,865

иерархии, которое больше не занимает никто, и никто не занимает положение выше него, т.е. термин «высшее» понимается в превосходной степени прилагательного «высокое». Данная гипотеза не нашла подтверждения в ответах респондентов: смотрящий за государством как единственный человек не был признан лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Следовательно, толкование понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» должно осуществляться не в рамках раскрытия лексического значения слова «высший», а с позиции норм криминальной субкультуры, в соответствии с которыми наивысшее положе-

ние в преступной иерархии занимает смотрящий за областью (краем, округом и т. д.) (874, или 78,739 %), но к числу лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, также относятся смотрящий за городом (724, или 65,225 %) и смотрящий за зоной (смотрящий за СИЗО) (1014, или 91,351 %).

3. Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сделать выводы о правилах и традициях криминальной субкультуры в России на современном этапе, признаках воров в законе, положенцев, смотрящих и иных лидеров уголовно-преступной среды, относящихся к числу лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, действующих в настоящее время. Исторически сложившиеся гипотезы о нормах криминальной субкультуры, правилах поведения в уголовно-преступной среде, требованиях, предъявляемых к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, получили подтверждение либо опровержение, что позволяет признать часть из них действующими, а часть — утратившими значение. Полученные результаты соответствуют действительности, так как получены посредством анкетирования значительного числа оперативных работников (1110), в том числе непосредственно осуществляющих противодействие лидерам уголовно-преступной среды, в подавляющем большинстве субъектов РФ (69). В связи с этим данные исследования могут быть использованы органами следствия при возбуждении и оперативном сопровождении уголовных дел по ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ, экспертами при подготовке экспертных заключений о наличии у подозреваемого, обвиняемого или подсудимого признаков лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Помимо практической значимости результатов исследования, они имеют теоретическое значение, поскольку могут лечь в основу научных исследований, посвященных совершенствованию проблематики уголовно-правового, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и иного противодействия лидерам и активным участникам группировок отрицательной направленности, лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Библиография

- Алфимова, Ольга А. 2021. «Некоторые вопросы привлечения к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ, связанные с необходимостью определения некоторых понятий». *V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»*, 13–19. Рязань: Акад. права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.
- Гришко, Александр Я. 2016. «Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ)». *Человек: преступление и наказание* 3: 84–88.
- Кутуков, Сергей А., Николай Д. Моисеев. 2021. «Особенности применения ст. 210¹ УК РФ “Занятие высшего положения в преступной иерархии” в исправительных учреждениях». *Правовая культура в современном обществе: сб. науч. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф.*, 335–339. Могилев: Могилев. ин-т МВД Республики Беларусь.
- Максимова, Ксения А. 2013. «К вопросу о содержании понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», используемого законодателем в ч. 4 ст. 210 УК РФ». *Вопросы*

- юридической науки: взгляд молодых ученых: сб. ст., посвящ. 20-летию Алтайской академии экономики и права, 75–81. Барнаул: Изд-во Алтайской акад. экономики и права.
- Мондохонов, Андрей Н. 2013. «Особенности уголовно-правового статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии». *Вестник Бурятского государственного университета* 2: 182–184.
- Никитенко, Илья В., Татьяна В. Якушева. 2010. «Организация преступного сообщества: проблемы квалификации». *Уголовное право* 5: 58–62.
- Пантюхина, Инга В. 2020. «Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ) как состав преступления». *Новеллы права, экономики и управления: сб. науч. тр. по мат-лам V Междунар. науч.-практ. конф.*, 199–204. Гатчина: Гос. ин-т экономики, финансов, права и технологий.
- Пантюхина, Инга В., Любовь Ю. Ларина. 2020. «Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ)». *Lex russica* 10: 159–170.
- Рагулин, Андрей В., Владимир В. Фефелов. 2010. «О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии». *Уголовное право* 5: 67–70.
- Рязанов, Никита С. 2014. «Проблемы квалификации преступлений по ст. 210 УК РФ». *Вестник Омского университета. Сер.: Право* 1: 232–236.
- Ушаков, Андрей А. 2021. «Жизнеспособность уголовно-правовой нормы предусмотренной ст. 210¹ УК РФ». *Правовые основы развития гражданского общества на современном этапе: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф.*, 40–43. Пенза: Наука и просвещение.
- Шеслер, Александр В. 2020. «“Вор в законе”: криминальный статус или основание уголовной ответственности». *Вестник Кузбасского института* 1: 110–123.
- Штаб, Оксана Н. 2015. «Проблемы применения ч. 4 ст. 210 УК РФ». *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*, 69–70. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД Российской Федерации.

Статья поступила в редакцию 18 сентября 2022 г.;
рекомендована к печати 29 апреля 2024 г.

Контактная информация:

Морозов Алексей Сергеевич — канд. юрид. наук, доц.; <https://orcid.org/0000-0002-6621-7160>,
morozovalex@yandex.ru

Criminological portrait of the “thief in law” today: Results of the All-Russian penitentiary research

A. S. Morozov

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
49, pr. Oktyabrsky, Novokuznetsk, 654066, Russian Federation

For citation: Morozov, Alexey S. 2024. “Criminological portrait of the ‘thief in law’ today: Results of the All-Russian penitentiary research”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 3: 749–779. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.314> (In Russian)

In legal science and law enforcement, there is no certainty about the relationship between the concepts of “thief in law” and “person occupying the highest position in the criminal hierarchy”, which leads to problems and errors when bringing to criminal responsibility under Part 4 of Art. 210 of the Criminal Code and Art. 210¹ of the Criminal Code. In order to solve this problem, a study was conducted among the operational staff of institutions of the penitentiary system engaged in countering penitentiary crime in general and organized crime

in particular, professionally possessing knowledge in the field of criminal subculture. As a result of the study, were established: signs of a person who cannot be a “thief in law”; signs of a person who is a “thief in law”; the relationship between the concepts of “thief in law” and “person occupying the highest position in the criminal hierarchy”; the procedure for conferring the title of “thief in law” (the procedure of “coronation”, “baptism”); the procedure for depriving the title of “thief in law”. In addition, the moment of the end of crimes related to the occupation of the highest position in the criminal hierarchy has been determined, the circle of persons included in the number of subjects of crimes provided for in Part 4 of Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, the rights and obligations of “thief in law”, their functions and powers in the criminal environment are established.

Keywords: poser, looker, higher position, criminal environment, criminal subculture, organized crime, thief in law.

References

- Alfimova, Oľga A. 2021. “Some issues of criminal prosecution under Part 4 of Art. 210 and Art. 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation related to the need to define certain concepts”. *V Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum “Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie”*, 13–19. Ryazan, Akademiia prava i upravleniia Federal’noi sluzhby ispolneniia nakazanii Publ. (In Russian)
- Grishko, Aleksandr Ya. 2016. “Criminological characteristics of a person occupying the highest position in the criminal hierarchy (part 4 of Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation)”. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* 3: 84–88. (In Russian)
- Kutukov, Sergei A., Nikolai D. Moiseev. 2021. “Features of the application of Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation ‘Occupation of the highest position in the criminal hierarchy’”. *Pravovaia kul’tura v sovremennom obshchestve: sbornik nauchnykh statei IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 335–339. Mogilev, Mogilevskii institut MVD Respubliki Belarus’ Publ. (In Russian)
- Maksimova, Kseniya A. 2013. “On the question of the content of the concept of ‘a person occupying the highest position in the criminal hierarchy’ used by the legislator in Part 4 of Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation”. *Voprosy iuridicheskoi nauki: vzgliad molodykh uchenykh: sbornik statei, posvyashchennyi 20-letiiu Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 75–81. Barnaul, Izdatel’stvo Altaiskoi akademii ekonomiki i prava Publ. (In Russian)
- Mondohonov, Andrei N. 2013. “Features of the criminal legal status of a person occupying the highest position in the criminal hierarchy”. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta* 2: 182–184.
- Nikitenko, Il’ya V., Tat’yana V. Yakusheva. 2010. “Organization of the criminal community: Problems of qualification”. *Ugolovnoe pravo* 5: 58–62. (In Russian)
- Pantiukhina, Inga V. 2020. “Occupation of the highest position in the criminal hierarchy (Art. 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation) as a crime”. *Novelly prava, ekonomiki i upravleniia: sbornik nauchnykh trudov po materialam V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 199–204. Gatchina, Gosudarstvennyi institut ekonomiki, finansov, prava i tekhnologii Publ. (In Russian)
- Pantuyuhina, Inga V., Lyubov’ Y. Larina. 2020. “Problems of regulation and application of the criminal law norm providing for responsibility for occupying the highest position in the criminal hierarchy (Art. 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation)”. *Lex russica* 10: 159–170. (In Russian)
- Ragulin, Andrei V., Vladimir V. Fefelov. 2010. “On the concept of a person occupying the highest position in the criminal hierarchy”. *Ugolovnoe pravo* 5: 67–70. (In Russian)
- Ryazanov, Nikita S. 2014. “Problems of qualification of crimes under Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation”. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* 1: 232–236. (In Russian)
- Shesler, Aleksandr V. 2020. “‘Thief in law’: Criminal status or the basis of criminal liability”. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* 1: 110–123. (In Russian)
- Shtab, Oksana N. 2015. “Problems of application of part 4 of Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation”. *Aktual’nye problemy bor’by s prestupleniami i inymi pravonarusheniami*, 69–70. Barnaul, Barnaul’skii iuridicheskii institut MVD Rossiiskoi Federatsii Publ. (In Russian)

Ushakov, Andrei A. 2021. “Viability of the criminal law norm provided for in Art. 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation”. *Pravovye osnovy razvitiia grazhdanskogo obshchestva na sovremen-
nom etape: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 40–43. Penza, Nauka i
prosveshchenie Publ. (In Russian)

Received: September 18, 2022

Accepted: April 29, 2024

Author's information:

Alexey S. Morozov — PhD in Law, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0002-6621-7160>,
morozovalex@yandex.ru